

На правах рукописи

СЕРЕБРЯКОВА Анна Юрьевна

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ
ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТАХ И. КАНТА И ИХ
ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

10.02.20. — сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Челябинск — 2005

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Южно-Уральский
государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Турбина Ольга Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Пестова Наталья Васильевна

кандидат филологических наук

Кузнецова Наталья Юрьевна

Ведущая организация: **Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия**

Защита диссертации состоится 25 «ноября» 2005 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 283. 02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного педагогического университета

Автореферат разослан 24 «октября» 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:

Пирогов Н.А.

2006-4
78900

2194119

Реферируемая работа посвящена изучению особенностей представления категории персональности в философских текстах И. Канта и их русских переводах. Не вызывает сомнения тот факт, что текст с его различными категориями становится сегодня основным объектом лингвистики.

Превращение текста из материала в объект исследования, ознаменовавшее собой качественный поворот в лингвистике, тем не менее, находится еще в стадии становления и развития, о чем свидетельствует, в частности, неопределенность самого понятия "текст".

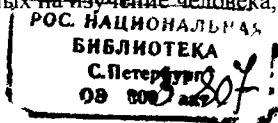
Также наблюдаемое разнообразие и известная противоречивость представлений о тексте как предмете лингвистического изучения в известной степени отражают наметившуюся принципиальную смену парадигмы научных изысканий от господствовавшей до недавнего времени системно-структурной концепции языка к функциональной парадигме, построенной на принципе актуальности, предполагающей анализ не столько языкового материала как такового, сколько факторов, определяющих его порождение и восприятие, его роль в социальной и коммуникативной ситуации, его место в процессе накопления общественных знаний и его функцию в адекватном отражении материальной и идеальной действительности.

В этой связи развитие лингвистических исследований последних лет характеризуется изучением языка с учетом его реального функционирования в любых его конкретных проявлениях, поскольку недифференцированный и неконкретный подход к тексту в теории текста ведет к широкой схематизации языка и минимальному вниманию к его конкретным свойствам. Именно поэтому основная задача лингвистики текста сегодня состоит в типологическом описании текстов.

В данной работе речь идет о философском тексте, который является разновидностью научного текста. Наиболее значимой категорией для философского текста является категория персональности. Связано это с основным свойством философского текста — общечеловеческостью. Различные морфологические и синтаксические средства выражения этой черты в философском тексте (личные местоимения, неопределенно-личные и безличные предложения) служат в то же время и средствами выражения категории персональности.

Объектом нашего исследования являются различные языковые средства выражения категории персональности в философском тексте, а непосредственный предмет исследования составляют неопределенно-личные и безличные конструкции (в дальнейшем НЛК и БК), служащие для выражения категории персональности в философских текстах И.Канта, и способы перевода этих конструкций с немецкого языка на русский.

Актуальность данной работы обусловлена рядом факторов. Во-первых, исследование проводится на стыке гуманитарных наук: лингвистики текста, дискурс-анализа, переводоведения, грамматики, а также философии, филологии и других. Таким образом, исследование включается в общую парадигму гуманитарных исследований, направленных на изучение человека, его языка и

мышления. Во-вторых, философский текст, несмотря на его постоянную актуальность и вневременную ценность, постоянное функционирование в научном обиходе, является недостаточно описанным в современной лингвистике. В-третьих, точность перевода философского текста и точность его понимания интерпретаторами особенно важны, так как они влияют на формирование научного знания в целом.

Целью диссертационного исследования является изучение неопределенно-личных и безличных конструкций как основных способов представления категории персональности в философских текстах И. Канта и особенностей перевода этих конструкций с немецкого языка на русский.

Основная цель предполагает решение **следующих задач**:

- 1) выявление лингвистических особенностей текстов И. Канта и факторов, определяющих специфику данных текстов;
- 2) проведение анализа основных языковых средств выражения категории персональности в текстах И. Канта и установление наиболее значимых из них для текста оригинала и перевода;
- 3) определение прагматических функций неопределенно-личных и безличных конструкций в текстах оригинала и перевода;
- 4) проведение анализа способов перевода неопределенно-личных и безличных конструкций в текстах И. Канта с немецкого языка на русский и выявление особенностей перевода данных конструкций различными переводчиками;
- 5) установление степени смысловой адекватности текстов перевода и исходных текстов.

Научная новизна работы нам видится в следующем:

- впервые предпринимается попытка изучения философских текстов И.Канта и их особенностей с позиций лингвистики текста;
- до сих пор не подвергались изучению с точки зрения типологии неопределенно-личные и безличные конструкции в научно-философском тексте И.Канта.

В качестве материала исследования взяты монографии немецкого философа И. Канта “Kritik der reinen Vernunft”/ «Критика чистого разума», “Kritik der Urteilskraft”/ «Критика способности суждения», “Prolegomena”/ «Прологомены» объемом 1200 страниц и их переводы на русский язык, выполненные М. Владиславлевым, Н.М. Соколовым, Ю.Н. Поповым, М. Левиной, Н.В. Мотрошиловой.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели в процессе работы над диссертацией был применен комплекс методов и исследовательских приемов. В качестве основного использовался сопоставительный метод. Для решения конкретных задач были также привлечены метод компонентного анализа, метод сплошной выборки, метод трансформации и другие.

Теоретическая значимость исследования состоит в рассмотрении и анализе различных способов представления категории персональности в философском тексте.

Практическая ценность данной работы вытекает из возможности использования ее основных положений и результатов при теоретическом и практическом анализе научно-философского текста, в курсах по общему языкознанию, курсах по лингвистике и интерпретации текста, теории и практике перевода, спецсеминарах, при написании диссертационных, дипломных и курсовых работ.

Апробация работы. Результаты исследования были апробированы на международных научно-практических конференциях (Челябинск, 2003, 2004, 2005; Екатеринбург, 2003), а также на заседаниях кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета и кафедры социально-политических и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Философские тексты И. Канта имеют определенные отличительные черты, которые обусловлены характером эпохи, стилевой принадлежностью этих текстов и индивидуальными особенностями и предпочтениями автора. Этими чертами являются: а) сложность и разнообразие синтаксических структур; б) обилие языковых средств выражения основного свойства философского текста — обобщенности; в) специфика употребления терминологического аппарата, которая заключается в нетрадиционном употреблении уже существующих понятий и введении новых терминов.

2. Обобщенность как основное свойство философского текста коррелирует с наиболее значимой его категорией – **категорией персональности**. Данная категория представлена в текстах И. Канта и их переводах на русский язык комплексом морфологических, синтаксических, интонационно-синтаксических, лексико-синтаксических и лексических средств. При этом из всех средств ее выражения наиболее значимыми для текста оригинала и перевода являются **неопределенно-личные и безличные предложения**, поскольку именно они одновременно выступают средством выражения обобщенности.

3. С целью придания высказыванию оттенка обобщенности НЛК и БК выполняют в текстах И. Канта и их переводах на русский язык следующие прагматические функции: 1) функцию объективации говорящим собственного мнения; 2) функцию устранения конкретного субъекта.

4. В качестве синтаксических эквивалентов НЛК и БК в текстах переводов произведений И. Канта выступают личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, пассивные и безличные конструкции, объединенные способностью выражать обобщенность. Из личных конструкций используются лишь те, которые в силу своей семантики, включающей третье (логическое - объективирующее, обобщающее) лицо, способны передавать значение обобщенности.

5. В целом переводы текстов И. Канта на русский язык можно признать адекватными. Существующие расхождения переводов с текстами оригиналов наблюдаются лишь на нижнем уровне адекватности и не затрагивают жанрово-

стилистический и прагматический параметры нормативной оценки адекватности перевода.

Композиционно работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Во Введении определяется основная цель и задачи работы, излагается методология и частные методы исследования, раскрывается его новизна, практическая ценность и теоретическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту. *В первой главе* обосновывается выбор научно-философского текста как материала исследования; дается определение категории личности, рассматриваются основные средства выражения этой категории в философских текстах И.Канта, главными из которых являются неопределенно-личныи и безличныи конструкции. *Во второй главе* изучаются различные подходы к определению понятий эквивалентности и адекватности в переводе; производится анализ неопределенно-личных и безличных конструкций, встречающихся в текстах И.Канта и их русских переводах, с целью установления степени адекватности исходного текста и текста перевода. *В заключении* обобщаются результаты проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейших исследований в данной области. *В приложении* представлены полные результаты сопоставительного компонентного анализа.

Основное содержание работы

В Первой главе «Философский текст и категория личности» дается определение категории личности и рассматриваются основные средства выражения этой категории в философских текстах И.Канта.

В первом разделе главы мы даем характеристику философского текста и определяем его место в общей типологии текстов.

Философский текст с позиций лингвистики изучали Г.-Х. Гадамер, И. С. Алексеева, И. В. Цветкова, М. Мамардашвили и др. Все они отмечают, что содержание любого философского текста представляет собой авторскую (индивидуальную) версию предельно обобщенного описания устройства мира, но подается и оформляется эта версия как объективная. Таким образом, коммуникативное задание философского текста заключается в том, чтобы представить читателю авторскую картину мира, убедив его в объективности этой картины логическим путем, средствами научного описания и доказательства, а основная функция философского текста состоит в объяснении наиболее общих законов устройства мира.

Анализ существующих сегодня подходов к проблеме типологии текстов (см. Reiss Vermeer 1984, Ванников 1985, Баранов 1993, Brinker 1997, Алексеева 1998, Бабенко 2000) позволил нам охарактеризовать философский текст как *сложный или комплексный, относящийся к научному стилю, подготовленный, нефиксированный, мягкий, дескриптивный, письменный, экспрессивно не*

отмеченный, относящийся к типу рассуждения, ориентированный на взрослого и компетентного читателя, информационный, целостный и связный.

Во *втором разделе* главы мы рассматриваем языковые средства выражения основной черты философского текста — обобщенности. По мнению М.Н. Кожинной, Н.М. Разинкиной, М.П. Брандес и др. максимальная обобщенность является одним из главных признаков научного текста (тогда как признак художественного текста — максимальная эстетическая и художественно-образная конкретизация). Философия, в свою очередь, является наукой о наиболее общих законах устройства мира, а философский текст — это текст, содержание которого представляет собой предельно обобщенное описание устройства мира. Поэтому философский текст как никакой другой демонстрирует самую главную специфическую черту научного текста — обобщенность.

Для реализации этой черты в научном философском тексте используются специальные лексические, грамматические, в частности морфологические, и синтаксические средства. На синтаксическом уровне обобщенность выражается в исключении из структуры предложения личного субъекта действия (агенса), так как познание мира в философии представляется в обобщенной форме — как процесс коллективного творчества. Поэтому неопределенно-личные и безличные конструкции играют в научном философском тексте особую роль.

Главным свойством философского текста — обобщенностью, а также рядом других факторов обусловлены отличительные черты текстов И. Канта, о которых идет речь в *третьем разделе* первой главы диссертации.

Сегодня философские тексты И. Канта вызывают интерес не только философов, но и филологов. О лингвистических особенностях языка Канта в свое время писали Г. Эггерс, Г. Шпербер, В.Г. Адмони, Н.С. Бабенко, Р.С. Аликаев, Н. Мотрошилова др. Ими были отмечены следующие отличительные черты кантовского стиля: сложность и разнообразие синтаксических структур, долгие периоды, неустойчивость и амбивалентность употребления терминов (см. Бабенко 1984, Мотрошилова 2001 и др.).

Лингвистические особенности текстов И. Канта обусловлены целым рядом факторов, а именно:

- эпохой, в которую творил Кант;
- стилевыми чертами философского текста;
- личностью самого философа.

Главным фактором, оказавшим влияние на язык текстов И. Канта, является *характер эпохи*, в которую жил и работал этот философ. Период творчества И. Канта (1724 — 1804 г.г.) приходится на середину и конец XVIII века. К началу XVIII столетия в Германии происходит резкий идеологический сдвиг, связанный с распространением философии Просвещения, следствием чего является решительная перестройка всей идеологической сферы. Развитие науки, и прежде всего философии, порождает необходимость использования в

ней родного немецкого языка. Уже к середине XVIII века процесс урегулирования норм словообразования и синтаксиса, а также формирования словарного запаса немецкого языка в целом подходит к своему завершению.

Другим фактором, определяющим лингвистические особенности текстов И. Канта, выступает *стилистическая принадлежность* данных текстов. Основным свойством философского текста является обобщенность. Это свойство выражено в текстах И. Канта наиболее ярко, так как все проблемы, которые он рассматривает, носят общий характер. Кант желает объяснить самое трудное для понимания — возможность научного и философского знания. Для него очевидны две вещи. Во-первых, существует знание априорное, изначально данное, и апостериорное (от лат. *a priori* — изначально и *a posteriori* — из последующего). Источником первого вида знания являются познавательные способности души (рассудок, способность суждения о прекрасном, разум), а второго — опыт, эмпирия. Во-вторых, все суждения делятся на аналитические и синтетические.

Все эти проблемы носят общий характер, и, следовательно, в трудах Канта можно ожидать максимальную обобщенность изложения. В *синтаксическом* плане обобщенность в текстах Канта подчеркивается путем исключения из структуры предложения личного субъекта действия (агенса), так как познание мира представляется здесь в обобщенной форме — как процесс коллективного творчества. В связи с этим, в текстах Канта наблюдается повышенное содержание неопределенно-личных и безличных предложений (*Man sollte aber denken; wie es auch geschehen muss* и др.).

Наряду с особенностями, обусловленными характером эпохи и стилевой принадлежностью, тексты И. Канта демонстрируют *индивидуальные черты*, свойственные только данному философу. Так, отличительной чертой стиля Канта является сложность синтаксиса. Используя данные М.Н. Кожинной, В.Г. Адмони, Н.С. Бабенко и результаты своих исследований, мы сделали сводную таблицу, в которой отражено своеобразие синтаксиса Канта:

Характеристики	Научный стиль	Философские тексты Вольфа	Философские тексты Канта
Количество простых предложений	48 %	37 %	18 %
Количество сложных предложений	52 %	63 %	82 %
Количество слов в простом предложении	20,3	10	15
Количество слов в сложном	25,4	38	56

предложения			
Количество элементарных предложений в составе сложного предложения	2	4	6

Если в научном стиле процент сложных предложений составляет 41 — 50,3 %, у Вольфа — 63 %, то у Канта — 82 %. Причем преобладающее число из них 92 % — сложноподчиненные (у Вольфа — 63 %, в научном тексте — 62 %). Средняя длина простого предложения в научном тексте составляет 20,3, а сложного — 25,4 словоупотребления. У Вольфа соответственно 10 и 38, тогда как у Канта средний размер цельного предложения равен, по нашим данным, 56 словам, размер элементарного предложения составляет у него около 15 слов. Если коэффициент сложности цельного предложения не достигает у Вольфа в среднем и четырех элементарных предложений, то у Канта он равен 6.

Все эти данные наглядно демонстрируют тот факт, что долгие периоды и сложные громоздкие предложения особенно характерны для стиля И. Канта. Другой индивидуальной особенностью языка Канта является нетрадиционное употребление уже существующих и введение новых терминов. В целом источники терминологической системы Канта весьма разнообразны. От Лейбница он берет *Urteil*, *Veränderung*, *Beweisgrund*, от Томазиуса — *Einbildung*, *Einbildungskraft*, *Folgerung*, *Wirkung*. Многие, конечно, уже существовало в литературном немецком языке более раннего периода (*Art*, *Beweis*, *Empfindung*, *Erfahrung*, *Grund*, *Satz*, *Zustand* и др.).

Таким образом, философские тексты И. Канта имеют определенные отличительные черты, которые обусловлены характером эпохи, стилевой принадлежностью этих текстов и индивидуальными особенностями и предпочтениями философа. Этими чертами являются:

— сложность и разнообразие синтаксических структур (преобладающее число таких логико-семантических типов предложений, как причинные и следственные предложения; афинитность в структуре придаточных предложений; использование в относительных придаточных определительных предложениях в качестве вводных элементов наряду с *die* и *welche* архаического *so*; высокий процент сложных предложений (82 %); большой размер предложений (56 словоупотреблений для сложного и 15 — для простого); высокий коэффициент сложности цельного предложения (в среднем 6 элементарных предложений);

— различные языковые средства выражения обобщенности (сложные слова с абстрактным значением; использование *praesens generellis*; высокий процент неопределенно-личных и безличных конструкций);

— специфика употребления терминологического аппарата.

В данном исследовании мы ограничились рассмотрением неопределенно-личных и безличных конструкций, служащих синтаксическим средством выражения основного свойства философского текста — обобщенности.

Наиболее значимой категорией для философского текста является категория **персональности**, обусловленная своей связью с основным свойством философского текста — обобщенностью. Поскольку категория персональности и такая черта философского текста как обобщенность выражаются одними и теми же языковыми средствами, категория персональности становится особенно важной для философского текста вообще, и для текстов И. Канта в частности.

В *четвертом разделе* главы мы рассматриваем категорию персональности как функционально-семантическое поле (ФСП) и даем анализ различных языковых средств выражения данной категории.

Рассмотрение персональности как ФСП опирается на лингвистическую традицию (см. *Есперсен 1958, Якобсон 1972, Шелякин 1986, Бондарко 2002 и др.*) Под **полем персональности** мы понимаем группировку разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных — лексико-грамматических) средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу.

Анализируемая семантическая категория предполагает отношения пересечения / непересечения участников обозначаемой ситуации с участниками акта речи. Говоря о пересечении, мы имеем в виду отношения тождества (например, указание на то, что субъект ситуации — говорящий) или включения (например, указание на то, что субъект ситуации — группа лиц, включающая говорящего). Непересечение с говорящим лицом может означать либо пересечение со слушающим, либо отнесенность ситуации к лицам, не участвующим в акте речи («третьим лицам»), или к предметам внешнего мира. Особые типы отношения к лицу — это неопределенноличность, обобщенноличность и безличность.

Признак участия в речевом акте не может рассматриваться вне отношения к противоположному признаку «неучастия». Участие/неучастие в акте речи — это единое системное отношение, лежащее в основе противопоставления семантики 1-го и 2-го лица вместе взятых семантике 3-го лица.

Схематически семантику лица можно представить следующим образом:

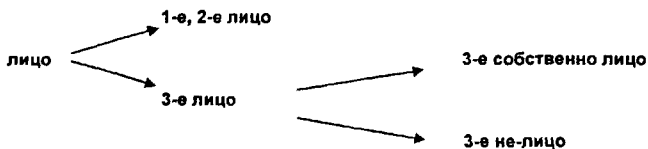

Схема 1 Семантика лица.

Эта схема наглядно отражает, во-первых, противопоставление 1-го и 2-го лица вместе взятых — 3-ему лицу, и, во-вторых, противопоставление 3-его собственно личного лица — 3-ему предметному лицу.

Особый интерес для нашего исследования представляет прагматический аспект семантики лица, касающийся отношения содержания языковых единиц и высказывания в целом к участникам речевого акта и его условиям, и, в частности, прагматические функции 1-го лица мн. числа.

При реальной соотнесенности субъекта высказывания с говорящим выявляется широкий спектр прагматических оттенков употребления формы 1-го лица мн. числа. Например:

- а) торжественное «мы», «используемое лицами королевского ранга»;
- б) авторское или ораторское «мы», затушевывающее слишком резкое «я» и заменяющее его чем-то более общим и расплывчатым;
- в) просторечное «мы» «из скромности»;
- г) эмоционально-грубоватое «мы» говорящего в оборотах *слыхали мы, видали мы*;
- д) «докторское» «мы»;
- е) снисходительное «мы» взрослого, как бы приобщающегося к миру ребенка или подростка, с возможным элементом иронии (см. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — С.268).

Главной прагматической функцией формы 1-го лица мн. числа в философском тексте является ее употребление в качестве авторского «мы», что позволяет автору избежать использование «я» и придать высказыванию оттенок обобщенности.

Семантику лица можно представить и как полевую структуру, в которой выделяются центр и периферия, причем в каждой из этих сфер намечается определенная иерархия. С учетом полевой структуры семантики лица формируется и ФСП личности. Грамматический центр поля личности образует грамматическая категория лица. Центр поля сам по себе представляет собой полевую структуру, где выделяются ядро (глагольные и местоименные формы 1-го и 2-го лица) и его окружение — формы 3-го лица, функционально обособленные от указания на участников акта речи. По своему содержанию 3-е лицо связано с переходом от центра к периферии (при обозначении лиц) и с собственно периферийной сферой семантики личности (при обозначении предметов и при выражении безличности). Таким образом, грамматическая категория лица представляет, с одной стороны (поскольку речь идет о формах 1-го и 2-го лица), центральную сферу семантики личности, а с другой (в том, что касается форм 3-го лица и форм безличности) — сферу переходную от центра к периферии (при обозначении «третьих лиц») и собственно периферийную (при обозначении предметов и при выражении безличности).

При анализе материала мы опирались на то, что основе категории личности лежит представление о внешнем мире, преломляющемся в языковом сознании в третье, логическое лицо, на фоне которого в результате мыслительных операций вычлняются 1-е и 2-е л., обозначающие участников

речевого акта. В ходе исследования удалось установить, что именно сема 3-го логического лица придает высказыванию оттенок обобщенности. Поэтому языковые способы выражения значения обобщенности в немецком и русском языках восходят к одним и тем же принципам, а именно – использованию синтаксических конструкций, включающих сему 3-го лица (местоимение 1 л. мн.ч., парадигма местоимений 3-го лица, пассивные или возвратные формы).

В целом категория персональности в текстах И. Канта и их переводах на русский язык представлена комплексом морфологических, синтаксических, интонационно-синтаксических, лексико-синтаксических и лексических средств.

В *пятом разделе* главы мы выясняем, какие языковые средства выражения категории персональности наиболее широко представлены в философских текстах И. Канта.

Из всех средств выражения категории персональности в философских текстах И. Канта наиболее значимыми для текста оригинала и перевода являются неопределенно-личные и безличные конструкции, т.к. они одновременно выступают как средство выражения главной черты философского текста — обобщенности.

В результате анализа произведений И. Канта объемом 1200 страниц нами были выявлены методом сплошной выборки 3600 конструкций. 67,5 % из них (2432 единицы) составляют неопределенно-личные конструкции, а 32,5 % (1168 единиц) — безличные. Полученные данные можно более наглядно представить с помощью таблицы:

Вид конструкции	Количество конструкций	Процентное соотношение
Неопределенно-личные конструкции	2432	67,5 %
Безличные конструкции	1168	32,5 %
Итого	3600	100 %

НЛК и БК с помощью соответствующих местоимений *man* и *es* выражают в текстах И. Канта конкретно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное и безличное значения персональности.

При выражении с помощью НЛК конкретно-личного значения персональности говорящий, используя конструкцию с *man* для обозначения себя в качестве субъекта, придает высказыванию оттенок обобщенности и объективности, причем обобщаемое действие непосредственно связывается с личным опытом автора высказывания. Именно местоимение *man*, в силу заложенной в нем онтологически обусловленной семы объективного логического лица, и позволяет этого добиться. Например:

Man kann das Vermögen der Erkenntnis aus Prinzipien a priori die reine Vernunft und die Untersuchung der Möglichkeit und Grenzen derselben überhaupt die Kritik der reinen Vernunft nennen ob man gleich unter diesem Vermögen nur die Vernunft in ihrem theoretischen Gebrauche versteht, wie es auch in dem ersten Werke unter jener Benennung geschehen ist, ohne noch ihr Vermögen als praktische Vernunft nach ihren besonderen Prinzipien in Untersuchung ziehen zu wollen (Кант 2002: 68).

В этом предложении местоимение *man* выполняет прагматическую функцию объективации говорящим собственного мнения и представляет собой определенное стилистическое средство отчуждения адресата.

В следующем случае субъектом так же является сам говорящий, однако грамматическое значение конструкции реализуется здесь, выступая в экспрессивном варианте такого представления отношения к лицу, при котором точка зрения говорящего как бы заменяется «объективной» позицией неопределенного множества («третьих лиц»):

Man sieht, daß, wengleich die Auflösung dieser Aufgaben hauptsächlich den wesentlichen Inhalt der Kritik darstellen will... (Кант 1977: 31).

В неопределенно-личных предложениях с неопределенно-личным значением *персональности* причинами, по которым не называется конкретный субъект, могут быть: 1) незнание говорящим субъекта; 2) оценка говорящим субъекта как неизвестного слушающему и поэтому несущественность его обозначения; 3) нежелание говорящего в силу разных причин назвать субъект.

Так, в текстах И. Канта, автор прибегает к помощи неопределенно-личной конструкции, когда субъект ему неизвестен:

Man wird sagen: die Deutung ästhetischer Urteile auf Verwandtschaft mit dem moralischen Gefühl sehe gar zu studiert aus... (Кант 2001: 392).

Или когда автор, имея в виду какое-то конкретное лицо, по определенным причинам не хочет его называть:

Man hat es bedenklich gefunden, daß meine Einleitungen in der reinen Philosophie fast immer dreiteilig ausfallen (Кант 2001: 142).

В предложениях с *man*, выражающих обобщенно-личное значение *персональности*, в качестве субъекта рассматриваются все одушевленные лица, т.е. действие относится к любому лицу при данных обстоятельствах. Например:

Dieses ist die Urteilskraft, von welcher man Ursache hat nach der Analogie zu vermuten, daß sie ebensowohl, wengleich nicht eine eigene Gesetzgebung, doch ein ihr eigenes Prinzip nach Gesetzen zu suchen, allenfalls ein bloß subjektives, a priori in sich enthalten dürfte (Кант 2001: 92).

Конструкции с обобщенным значением менее всего связаны с контекстом, поскольку обобщенный деятель не нуждается в конкретизации, что мы и видим в следующем предложении И. Канта:

Wenn man ja das Wort Sinn von einer Wirkung der bloßen Reflexion auf das Gemüt brauchen will, denn da versteht man unter dem Sinn das Gefühl der Lust (Кант 2001: 380).

В этом примере автор с помощью неопределенно-личных конструкций 'man will' и 'man versteht' приписывает действие любому лицу/всем людям вообще.

В целом, значение обобщенно-личности вытекает не столько из специфики языкового оформления предложения, сколько из его использования как некой сентенции, максимы.

С помощью БК в текстах И. Канта выражается безличное значение персональности:

So liegt es schon in ihrem Begriffe, daß sie nicht empirisch sein können (Kant 1977: 37).

Таким образом, основными значениями персональности, которые реализовываются с помощью НЛК и БК в текстах И. Канта, являются конкретно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное и безличное значения. С целью придания высказыванию оттенка обобщенности неопределенно-личные и безличные конструкции выполняют в текстах И. Канта их переводах на русский язык следующие прагматические функции: 1) функцию объективации говорящим собственного мнения; 2) функцию устранения конкретного субъекта.

Целью **Второй главы** «Проблемы перевода на русский язык неопределенно-личных и безличных конструкций в философских текстах И. Канта» является анализ способов перевода НЛК и БК в текстах И. Канта на русский язык различными переводчиками и установление степени адекватности текстов оригинала и перевода.

В *первом разделе* главы рассматриваются различные подходы к определению адекватности и эквивалентности, которые являются ключевыми понятиями в теории перевода. Анализ работ ведущих отечественных и зарубежных лингвистов (А.В. Федорова 1968; Я.И. Рецкера 1974, В.Н. Комиссарова 1973, 1980, 1990, Д.С. Бархударова 1975; А.Д. Швейцера 1988, Дж. Кэтфорда 1965, К. Райс 1984 и других) позволил установить, что адекватность и эквивалентность не являются синонимами. Термин *адекватность* имеет более широкий смысл и обеспечивает необходимую полноту межязыковой коммуникации в конкретных условиях. *Эквивалентность* выступает в качестве основы коммуникативной равноценности, предполагаемое наличие которой делает текст переводом. Адекватный перевод является по определению эквивалентным, хотя степень смысловой общности между оригиналом и переводом может быть различной. Обратная зависимость не обязательна: эквивалентный перевод не всегда будет признан адекватным, поскольку он будет лишь удовлетворять требованию смысловой близости к оригиналу, но может быть осуществлен при нарушении других видов переводческой нормы. *Адекватным перевод* будет лишь в том случае, если в процессе перевода учитываются различные аспекты нормы перевода, а именно норма эквивалентности, жанрово-стилистическая норма и прагматическая норма. Иерархическая связь между этими аспектами нормы перевода может быть изображена с помощью следующей схемы:

Схема 2. Параметры нормативной оценки адекватного перевода

Норма эквивалентности перевода не является неизменным параметром. Она означает необходимость возможно большей общности содержания оригинала и перевода, но лишь в пределах, совместимых с другими нормативными требованиями, обеспечивающими адекватность перевода.

Важную роль в достижении адекватности перевода играет его жанрово-стилистическая норма. Жанрово-стилистическую норму перевода можно определить как требование соответствия перевода доминантной функции и стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит перевод. Соблюдение этой нормы является самым важным условием при переводе текстов И. Канта на русский язык.

Прагматическая установка перевода создается специфическими задачами конкретного акта перевода. Стремление выполнить конкретную прагматическую задачу — это своего рода суперфункция, подчиняющая все остальные аспекты переводческой нормы. Решая такую задачу, переводчик может отказаться от максимально возможной эквивалентности, перевести оригинал лишь частично, изменить при переводе жанровую принадлежность текста, воспроизвести какие-то формальные особенности перевода, нарушая норму или узус языка перевода.

И.В. Цветкова называет перевод философского текста с соблюдением нормы эквивалентности и жанрово-стилистической нормы — «лингвистическим» переводом, а перевод с учетом всех параметров нормативной оценки адекватного перевода, включая прагматическую норму, — «философским» переводом философского текста. При «лингвистическом»

*перевод*е философского текста переводчик стремится к эквивалентной передаче грамматических и стилистических особенностей языка автора. Философа же, в отличие от лингвиста, интересует адекватность воспроизведения движения мысли автора текста. Язык философского текста выполняет при этом функцию оформления философских идей. Интерпретируя и комментируя философский текст, читатель стремится к установлению соответствия между лингвистическим переводом и своеобразной «моделью» мышления автора, которая реконструируется в результате «философского» перевода (см. Цветкова И.В. Философский текст и философская культура. — Тольятти, 2000. — С. 36).

Поскольку главной целью при переводе философского текста является стремление к адекватности передачи мысли автора (или, пользуясь терминологией И.В. Цветковой, его «философский перевод»), этот тип текста в значительной степени более чем другие (напр., художественный) способен показать различия в средствах выражения (а, следовательно, и в структуре в целом) языка оригинала и переводного языка.

Особое внимание в данном исследовании мы уделяем переводу на русский язык неопределенно-личных и безличных конструкций, которые являются в философских текстах И. Канта одновременно основным синтаксическим средством выражения категории персональности и обобщенности. Свообразие оформления этих видов конструкций в немецком и русском языках ставит перед переводчиком определенные задачи по выбору эквивалентных средств и способов перевода.

Во *втором разделе* главы рассматриваются различные способы перевода НЛК на русский язык. Количественный анализ способов перевода неопределенно-личных конструкций, встречающихся в оригинальных текстах Канта, на русский язык представлен в следующей таблице:

Вид конструкции в тексте перевода	Количество единиц	Процентное соотношение
Безличные конструкции	1112	45,8 %
Неопределенно-личные конструкции	808	33,3 %
Личные предложения	248	10,1 %
Другие конструкции (словосочетания, деепричастные обороты, отдельные части речи)	136	5,6 %
Пассивные конструкции	96	3,9 %

Обобщенно-личные конструкции	32	1,3 %
Итого	2432	100%

Как показывает таблица, в большинстве случаев (45, 8 %) конструкции с *man* в текстах И. Канта переводятся на русский язык с помощью безличных предложений:

Wenn *man* etwas größere Zahlen nimmt... (Kant 1977: 19). | Если *взять* несколько большие числа... (Соколов 1994: 21).

Перевод неопределенно-личной конструкции '*wenn man nimmt*' с помощью безличной '*если взять*' становится возможным благодаря наличию в них общей семы объективного логического (3-его онтологически) лица, за которым стоит весь внешний мир.

Большой процент (33,3 %) при переводе НЛК с немецкого языка на русский составляют сами неопределенно-личные предложения:

...Weil aber, wenn der Verstand nicht wohl darauf achthat, zu verhüten, dass diese subjektive Vorstellungsart nicht für objektiv gehalten werde, leichtlich ein falsches Urteil entspringen kann, so *sagt man*: sie scheinen zurückzugehen... (Kant 1977: 43). | Но когда рассудок не старается предостеречь, чтобы этот субъективный способ представления не был принят за объективный, вследствие чего возникает ложное суждение, *тогда говорят*: кажется планеты возвращаются назад... (Соколов 1994: 47).

Хотя в русском переводе отсутствует прямой аналог немецкого местоимения *man*, конструкцию '*тогда говорят*' можно считать полным эквивалентом конструкции '*so sagt man*' в силу общей неопределенно-личной семантики, заложенной в них.

НЛК в текстах И. Канта также могут переводиться на русский язык личными предложениями. Это происходит в 10,1 % случаев:

So *überredete man sich*... (Kant 1977: 18). | *Люди убедили себя* в том, что... (Соколов 1994: 19).

Этимология немецкого «*man*», которое происходит от существительного «*Mann*» — «человек», позволила перевести это местоимение в данном примере как «люди», что, на наш взгляд, является вполне уместным.

Но чаще всего в текстах переводов в роли подлежащего в личных предложениях выступает местоимение *мы*, употребление которого имеет целый спектр прагматических оттенков. Так, в следующем примере *мы* употребляется с традиционным значением «участливой совокупности»

Den Gang der Planeten stellen uns die Sinne bald rechtläufig, bald rückläufig vor, und hierin ist weder Falschheit noch Wahrheit, weil, solange *man sich bescheidet*, daß dieses vorerst nur Erscheinung ist, *man* über die objektive Beschaffenheit ihrer Bewegung noch *gar nicht urteilt* (Kant 1977: 43).

Чувства представляют нам движение планет то с запада на восток, то в обратном направлении, и в этом нет ни лжи, ни истины, так как, пока *мы довольствуемся* тем, что это прежде всего только явление, *мы еще не составляем никакого суждения* об объективном свойстве движения планет (Соколов 1994: 47).

В другом примере местоимение *мы* выступает как «авторское» *мы*, заменяющее слишком резкое «я» чем-то более общим:

Man will diesen dem Anschein nach gewagten Satz durch ein Beispiel erläutern, welches zeigen soll: dass Gesetze, die wir an Gegenständen der sinnlichen Anschauung entdecken, von uns selbst schon für solche gehalten werden, die der Verstand hineinlegt... (Kant 1977: 75).

Мы поясним это смелое положение примером, который должен показать, что законы, открываемые нами в предметах чувственного созерцания, мы считаем уже такими, которые были вложены в природу рассудком... (Соколов 1994: 80).

В данном случае автор, используя конструкцию с *man* для обозначения себя в качестве субъекта, придает высказыванию оттенок обобщенности. Но при этом обобщаемое действие непосредственно связывается с его личным опытом.

Таким образом, большинство личных конструкций, используемых в текстах переводов в качестве эквивалентов немецких предложений с *man*, является формально-личными конструкциями.

В 3,9 % случаев НЛК в исследуемых текстах переводятся с немецкого языка на русский пассивными конструкциями:

Daß *man* die Werke der Alten mit Recht zu Mustern *anpreist* und die Verfasser derselben klassisch nennt gleich einem gewissen Adel unter der Schriftstellern... (Kant 2001: 348).

То обстоятельство, что произведения древних авторов по праву *превозносятся* как образцовые и что их создателей называют классиками, как бы некоторой знатью среди сочинителей... (Мотрошилова 2001: 349).

Перевод '*man... anpreist*' с помощью страдательной конструкции '*превозносятся*' позволяет обобщить мысль в имперсональной форме, избежав

указания на конкретное действующее лицо и сделать главный акцент на само действие, а не на его производителя.

В 1,3 % случаев предложения с *man* переводятся на русский язык обобщенно-личными предложениями:

Ohne dieses ist in der Metaphysik alles lauter Rhapsodie, wo *man* niemals weiß, ob dessen, was *man* besitzt, genug ist oder ob und wo noch etwas fehlen möge. (Kant 1977: 85).

А без этого в метафизике все есть не более как конгломерат, в котором никогда *не знаешь*, достаточно ли того, что уже *имеешь*, или чего-то недостает, и чего именно (Соколов 1994: 90).

Конструкция '*никогда не знаешь*' содержит в себе ярко выраженную обобщенно-личную семантику, что позволяет использовать ее в качестве равноценного эквивалента немецкой НЛК '*man niemals weiß*'.

В *третьем разделе* главы изучаются способы перевода на русский язык БК, встречающихся в оригинальных текстах Канта. Количественный анализ различных способов перевода БК представлен в следующей таблице:

Вид конструкции в тексте перевода		Количество единиц	Процентное соотношение
Неопределенно-личные конструкции		23	2 %
Личные предложения		281	24 %
Безличные конструкции	Со сказуемыми, выраженными возвратными глаголами (<i>оказывается, повеселилось и т.д.</i>)	187	16 %
	Со сказуемыми, выраженными невозвратными глаголами (<i>следует и т.д.</i>)	163	14 %
	Со сказуемыми, выраженными глаголами бытия существования с родительным падежом (<i>нет преграды, нет сил и т.д.</i>)	128	10,9 %
	Со сказуемыми, выраженными краткой формой страдательных причастий (<i>дано, сделано и</i>	81	6,9 %

	<i>т.д.)</i>		
	Со сказуемыми, выраженными безлично-предикативными словами (<i>можно, нельзя, нужно, возможно и т.д.</i>)	233	20 %
Безличные конструкции в целом		792	67,8 %
Другие конструкции (<i>словосочетания, деепричастные обороты, отдельные части речи</i>)		72	6,2 %
Итого		1168	100%

Перевод немецких БК в текстах И. Канта в 67,8 % случаев осуществляется с помощью русских БК, которые являются их полным эквивалентом. В следующем примере немецкая конструкция «*fragt es sich*» переводится русской безличной конструкцией «*спрашивается*».

Und *da fragt es sich* nun: ob zu dem ästhetischen Urteile dieser Art auch außer der Exposition dessen, was in ihm gedacht wird, noch eine Deduktion seines Anspruchs auf irgendein (subjektives) Prinzip a priori verlangt werden könne (Kant 2001: 342).

В таком случае *спрашивается*: можно ли требовать для эстетического суждения этого рода кроме экспозиции мыслимого в нем еще и дедукции его притязаний на некий (субъективный) априорный принцип (Мотрошилова 2001: 343).

В переводах текстов Канта немецкое безличное предложение может переводиться на русский язык личным предложением. В нашей картотеке таких случаев 281 (24 %). Например:

Es bleibt uns nur eine kritische Frage übrig... (Kant 1977: 25)

Мы ставим лишь один критический вопрос (Соколов 1994: 27).

Тот факт, что в безличной конструкции '*es bleibt uns übrig*' есть указание на лицо (*uns*), позволил перевести эту конструкцию на русский язык формально-личным предложением 'мы ставим', где *мы* употребляется с прагматическим оттенком «участливой совокупности».

В следующем примере замена безличного предложения личным вызвана стремлением переводчика выполнить работу так, чтобы текст перевода не противоречил нормам речевого узуса русского языка.

So ist es unter der Würde eines so wichtigen Geschäftes, auch nur eine Spur von Üppigkeit des Witzes und der Einbildungskraft, noch mehr aber von der Kunst zu überreden und zu irgendjemandes Vorteil einzunehmen blicken lassen (Kant 2001: 458).

То *достоинство* столь серьезного дела *принижается* при допущении хотя бы следа того, что в целях увещевания или во имя чьих-либо прерогатив в ход были пущены чрезмерные остроумие и воображение, а тем более искусство (Мотрошилова 2001: 459).

Нормы речевого узуса в русском языке не позволяют употреблять выражение «*es ist unter der Würde*» (это ниже достоинства) с неодушевленными предметами. Поэтому, сохранив структуру оригинала и переведя «*so ist es unter der Würde eines so wichtigen Geschäftes*» как «это ниже достоинства такого важного дела», переводчик нарушил бы существующие нормы. Для того, чтобы этого избежать, он заменяет безличное предложение личным и получает вариант перевода, полностью соответствующий нормам русского языка: «*достоинство столь серьезного дела принижается*».

В 2 % случаев БК в текстах И. Канта переводятся на русский язык с помощью НЛК:

Allein in der Familie der oberen Erkenntnisvermögen *gibt es einen Unterschied* zwischen dem Verstande und der Vernunft (Kant 2001: 92).

Но в семействе высших способностей познания все же *различают* рассудок и разум (Мотрошилова 2001: 343).

Таким образом, в качестве синтаксических эквивалентов НЛК и БК в текстах переводов произведений И. Канта выступают личные (в том числе формально-личные), неопределенно-личные, обобщенно-личные, пассивные и безличные конструкции, объединенные способностью выражать обобщенность. Из личных конструкций используются лишь те, которые в силу своей семантики, включающей третье (логическое - объективирующее, обобщающее) лицо, способны передавать значение обобщенности.

В *четвертом разделе* главы мы устанавливаем, являются ли все конструкции, выступающие в роли синтаксических эквивалентов НЛК и БК в текстах русских переводов работ И. Канта, равнозначными в плане прагматической адекватности текстов оригинала и переводов. С этой целью нами были проанализированы переводы «Критики способности суждения», сделанные Н.М. Соколовым, Ю.Н. Поповым, М. Левиной и Н.В. Мотрошиловой. Полученные данные мы оформили в виде таблицы:

Переводчик	Вид конструкции в тексте перевода			
	НЛК	БК	Л	Другие
Соколов Н.М.	9 1,7 %	349 62,3 %	174 31 %	28 5 %
Мотрошилова Н.В.	11 1,9 %	401 71,6 %	117 20,9 %	31 5,6 %
Попов Ю.Н.	17 3,1 %	383 68,3 %	136 24,3 %	24 4,3 %
Левина М.	7 1,3 %	183 32,7 %	351 62,6 %	19 3,4 %

Анализ разных переводов «Критики способности суждения» показал, что все переводчики имеют свои индивидуальные особенности и предпочтения. Так, М. Левина, чаще других, использует при переводе НЛК и БК конкретно-личные предложения, Н.М. Соколов — безличные, а Н.В. Мотрошилова и Ю.Н. Попов выбирают в качестве эквивалентов НЛК и БК в текстах переводов неопределенно-личные конструкции, что хорошо видно на следующем примере.

Н.В. Мотрошилова переводит НЛК “*wenn man dazusetzt*” неопределенно-личным предложением «*если присоединяют*»:

Man kann sich aber auch desselben Ausdrucks für die logische Quantität des Urteils bedienen, wenn *man* nur *dazusetzt* objective Allgemeingültigkeit zum Unterschiede von der bloss subjektiven, welche allemal ästhetisch ist (Kant 2001: 178).

Можно, однако, пользоваться этим же выражением также и для логического количества суждения, если только к этому *присоединяют* объективную всеобщезначимость в отличие от чисто субъективной, которая всегда есть эстетическая всеобщезначимость (Мотрошилова 2001: 179).

Аналогичный перевод мы наблюдаем и у Ю. Н. Попова:

Man kann sich aber auch desselben Ausdrucks für die logische Quantität des Urteils bedienen, wenn *man* nur *dazusetzt* objective Allgemeingültigkeit zum Unterschiede von der bloss subjektiven, welche allemal ästhetisch ist (Kant 2001: 178).

Можно, однако пользоваться этим же выражением также и для логического количества суждения, *если только к этому присоединяют* объективную общезначимость в отличие от чисто субъективной, которая всегда есть эстетическая общезначимость (Попов 1995: 157).

Н.М. Соколов переводит данное предложение с помощью безличной конструкции «*если при этом указать*»:

Man kann sich aber auch desselben Ausdrucks für die logische Quantität des Urteils bedienen, wenn *man* nur *dazusetzt* objective Allgemeingültigkeit zum Unterschiede von der bloss subjektiven, welche allemal ästhetisch ist (Kant 2001: 178).

Можно пользоваться этим выражением и для логического количества суждения, *если при этом указать*, что эта общезначимость, в отличие от чисто субъективной, которая всегда эстетическая, объективна (Соколов 1898: 57).

М. Левина переводит то же самое предложение личной конструкцией «*значимость присоединяется*»:

Man kann sich aber auch desselben Ausdrucks für die logische Quantität des Urteils bedienen, wenn *man* nur *dazusetzt* objective Allgemeingültigkeit zum Unterschiede von der bloss subjektiven, welche allemal ästhetisch ist (Kant 2001: 178).

Этим же выражением можно, пользоваться и для обозначения логического количества суждения, *если только к этому присоединяется* объективная всеобщая *значимость*, — в отличие от только субъективной, которая всегда бывает эстетическою (Левина 1994: 82).

Таким образом, анализ разных переводов «Критики способности суждения» показал, что переводчики используют различные конструкции в качестве синтаксических эквивалентов неопределенно-личных и безличных предложений. Но эти расхождения не влияют на понимание читателем текстов философа, т.к. затрагивают лишь нижний уровень адекватности — уровень эквивалентности и не сказываются на прагматической ценности перевода. Следовательно, все конструкции, используемые различными переводчиками в качестве синтаксических эквивалентов НЛК и БК, можно считать равнозначными в плане прагматической адекватности текстов оригинала и переводов.

Сопоставление текстов переводов с оригиналом подтвердило, что между различными аспектами нормы перевода существует определенная иерархия. Переводчик и читатели, пользуясь переводом, прежде всего, обращают внимание на прагматическую ценность перевода. Больше или меньшее внимание к норме переводческой речи непосредственно связано с жанрово-стилистической нормой перевода, которая составляет второй важнейший параметр нормативной оценки перевода. И, наконец, норма эквивалентности представляет собой конечное нормативное требование, которое должно выполняться при условии соблюдения всех остальных аспектов переводческой нормы. Несомненно, полнота передачи содержания оригинала в переводе является важнейшей характеристикой межязыковой коммуникации, и норма эквивалентности — это наиболее «собственно переводческое» нормативное требование. Она полностью определяется лингвистическими факторами и степень ее соблюдения может быть установлена с максимальной объективностью.

Перевод произведений И. Канта на русский язык можно с полной уверенностью назвать философским переводом, т.е. переводом, выполненным с соблюдением всех норм адекватности.

Норму эквивалентности, рассматриваемую нами как необходимость большей общности содержания оригинала и перевода, можно считать соблюденной, т.к. НЛК в 33,3 % случаев, а БК в 67,8 % случаев переводятся на русский язык с помощью аналогичных конструкций. Жанрово-стилистическая норма как требование соответствия перевода доминантной функции и стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит перевод, тоже соблюдена, так как в тексте перевода сохранены НЛК и БК, которые являются главным синтаксическим средством выражения категории персональности в философском тексте. Соблюдение прагматической нормы заключается в адекватности воспроизведения мысли автора. Все это позволяет говорить о философском переводе произведений И. Канта, т.е. о переводе с соблюдением всех параметров нормативной оценки адекватного перевода.

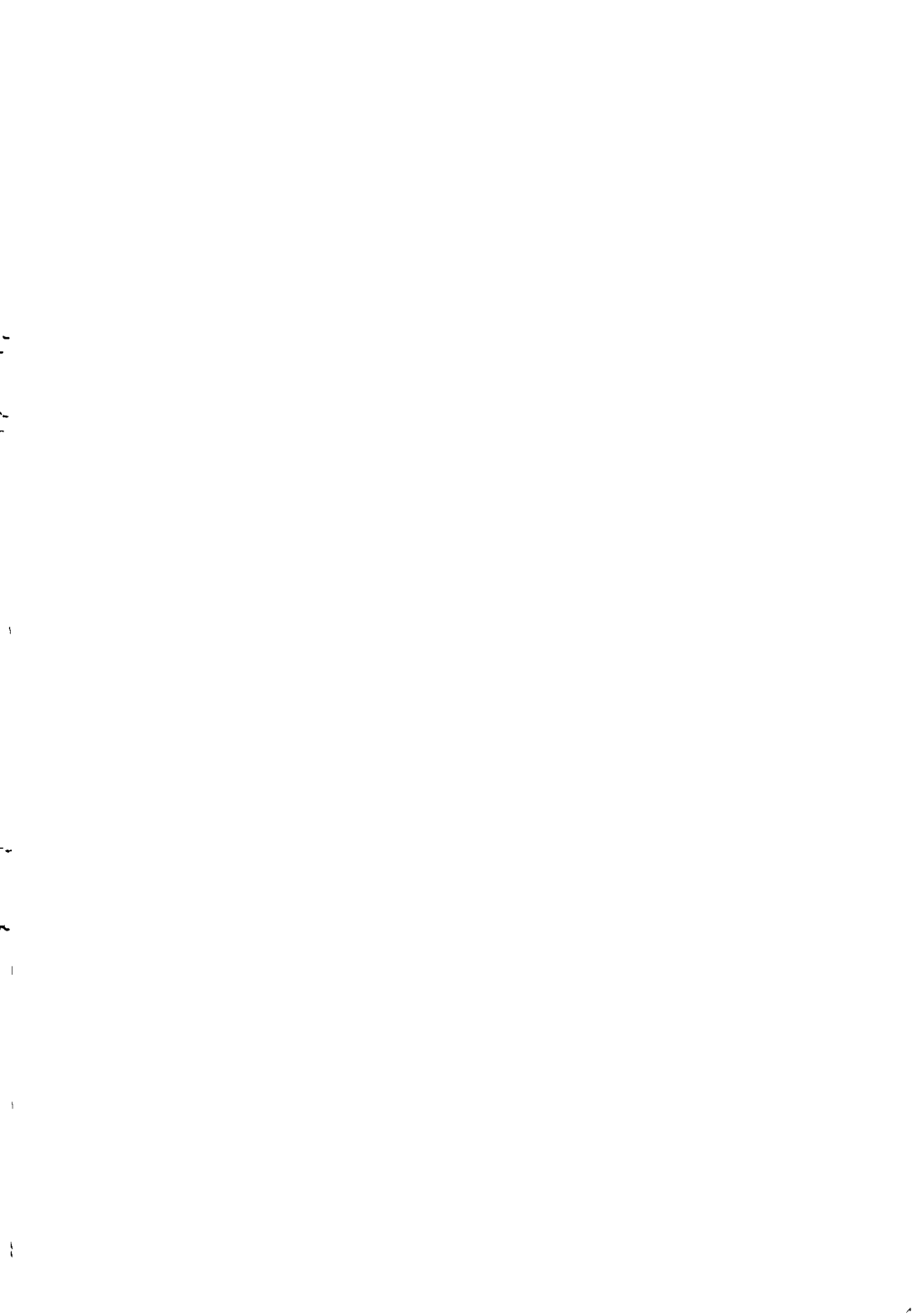
В определении перспектив дальнейшего исследования можно наметить следующие направления:

— анализ функционирования в текстах И. Канта и их русских переводах других языковых средств выражения категории персональности (морфологических и лексических);

— изучение особенностей представления категории персональности в философских текстах других авторов.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Серебрякова А.Ю. Эквивалентность и адекватность в переводе / Теория и методика преподавания языков в ВУЗе: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Отв. редактор Е.Н. Ярославова. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. — С. 74-75.
2. Серебрякова А.Ю. Эквивалентность в переводе и различные подходы к ее определению / Перевод и межкультурная коммуникация / Материалы VI международной научно-практической конференции / Институт международных связей. — Екатеринбург: Издательство АМБ, 2003. — С. 63-67.
3. Серебрякова А.Ю. Полная эквивалентность исходного и переводного текста: иллюзия или реальность? /Актуальные проблемы языкознания, страноведения и методики обучения иностранным языкам: Материалы VI межвузовской научно-практической конференции 15-16 апреля 2004 г. / Науч. ред. В.М. Мошкович. — Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО «ЧГПУ», 2004. — С. 122-124.
4. Серебрякова А.Ю. Категории научно-философского текста / Коммуникативно-функциональное описание языка: Сборник научных статей. Часть II. — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — С. 187-192.
5. Серебрякова А.Ю. Философский текст в общей типологии текстов / Вестник ЮУрГУ 7 (36) 2004. Серия «Лингвистика». Вып.1. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. — С. 34-36.
6. Серебрякова А.Ю. Проблемы перевода философских текстов И. Канта / Язык. Культура. Коммуникация: Материалы второй международной научной конференции. Челябинск, 26 февраля 2005 г./ Отв. редактор Нестеров А.П. — Челябинск, 2005. — С. 280-282.

№ 20 17 1

РНБ Русский фонд

2006-4

18900